

Прежний хозяин этого тела рос избалованным и легкомысленным. Нагулявшись вволю в Городе Процветающего Ян, где он спускал всё до последнего медного гроша на кабаки и развлечения, он неизменно возвращался домой с пустым кошельком и преспокойно тянул руку к старой госпоже Фан.

Поначалу старая госпожа ещё пыталась журить непутёвого внука, но со временем привыкла к его бесконечным тратам. Теперь же, завидев любимца после долгой отлучки, она первым делом сама совала ему монеты — всё переживала, бедняжка, сытно ли ему живётся на чужбине.

Неудивительно, что этот шалопай в конце концов обнаглел до такой степени, что полез приставать к благородной девице на прогулочной лодке. Получив за это заслуженный пинок, он полетел в воду, где и испустил дух — и в этой нелепой смерти не последнюю роль сыграла безграничная слепая любовь бабушки.

Прежний Фан Чжуншань мог преспокойно, без зазрения совести брать эти крохи, заработанные старой госпожой тяжким трудом у чужих людей. Но нынешний Фан Чжуншань на подобное был не способен.

Он быстро шагнул навстречу, бережно подхватил покачивающуюся старушку под руку и с улыбкой произнёс:

— Бабушка, я вернулся.

Услышав голоса, из дома высунулся Фан Ди. С любопытством оглядевшись, он с ухмылкой прикрикнул:

— Матушка! Наш Чжуншань теперь совсем другой человек, не чета прежнему. Он ведь не с протянутой рукой явился, а сам принёс серебро! Только что отвалил старшему брату целую кучу монет, у меня аж глаза от зависти покраснели!

Старая госпожа решила, что сын глумится и в своей обычной манере язвит по поводу безделья внука. Она сердито отмахнулась от него:

— А ну брысь отсюда! Наплёл с три короба! Чжуншань теперь живёт своим умом, опоры у него нет. Ты, как дядя, отродясь ему ни гроша не дал, так с чего теперь зубоскалишь?

Бабушка души не чаяла во внуке и не позволяла никому даже косо взглянуть в его сторону, так что Фан Ди тут же схлопотал суровую отповедь.

Высказав всё, что думает, старушка поспешно взяла внука за руку и ласково запричитала:

— Чжуншань, ты дядю своего не слушай, у него язык без костей. Ханьцзы только-только отделился, своё хозяйство поднимает, как я могу у тебя деньги брать? Мне ничьих даров не надо, а твоих — и подавно.

Она собиралась и дальше причитать, но Фан Чжуншань мягко прервал её:

— Бабушка, дядя не врёт. После того как я отделился, мне действительно удалось немного подзаработать. Я приехал сегодня нарочно, чтобы поделиться с тобой этой радостью.

Чжуншань всё продумал заранее. Благодаря спору с Чжао Вэньпэном и его компанией в аптеке «Ветра и Облаков» он прилично набил кошелек. Даже без учёта тех десяти лянов, что задолжал Цзян Жэньюй, у него на руках скопилось больше двадцати лянов чистым серебром в тяжёлых слитках. Имея за пазухой такое богатство, Чжуншань мог не скупиться. Он не только отложил три ляна для отца и дяди, но и приготовил особый узелок для бабушки.

— Взгляни, я всё уложил в этот мешочек, — Чжуншань протянул ей холщовый узелок. — Это тебе от меня. Малая доля сыновней почтительности твоего внука.

Опасаясь, что бабушка наотрез откажется принимать подарок, он нарочно умолчал о том, какая крупная сумма там сокрыта.

— Божественный лекарь Цай Сюань из аптеки «Ветра и Облаков» заметил меня, — продолжил он полусёпотом. — Сказал, что у меня редкий дар к сбору целебных трав. Он позвал меня с собой в Город Процветающего Ян, чтобы я учился врачеванию и распознаванию корней. А это серебро — то, что мне удалось выручить за последние несколько дней.

Когда Чжуншань рассказывал эту историю дяде Ди и дедушке Юаню, те лишь посмеивались, принимая его слова за очередные небылицы. Но старая госпожа Фан не усомнилась ни на миг. Она поверила каждому слову, ведь для неё во всей Поднебесной не существовало человека более талантливого и благородного, чем её любимый внук.

Суровое, исчерченное глубокими морщинами лицо старушки мгновенно преобразилось, расплывшись в тёплой улыбке. Она нежно похлопала его по плечу:

— С самого твоего рождения знала, что ты далеко пойдёшь!

Она облегчённо и радостно вздохнула, но стоило Чжуншаню попытаться вложить мешочек ей в ладонь, как старушка поспешно оттолкнула его руку:

— Раз уж ты собрался в Город Процветающего Ян, помни: в большом городе и порядки другие. В аптеке тебе на каждом шагу придётся кланяться да подносить дары нужным людям, без этого дела не сдвинутся. Как я могу забрать твоё серебро? Оставь себе, на расходы.

Чжуншань предвидел такой исход и без труда пустил в ход заранее заготовленную уловку:

— Бабушка, ты не прекословь. Это ведь непростые монеты — они приносят удачу. Коль примешь этот дар, благословение пребудет со мной, и в Городе Процветающего Ян любое дело спориться будет.

Против такого довода суеверная старушка устоять не могла. Помяв мешочек в руках и безмолвно поборовшись со своими сомнениями, она со вздохом спрятала его за пазуху.

Фан Чжунси с женой и Фан Чжунсинь с раннего утра гнули спины на пашне, так что в доме без молодёжи царило сонное затишье. Поболтав с бабушкой о том о сём, Чжуншань случайно бросил взгляд на порог и заметил сидевшего во дворе Малютку Кэляня.

Некоторое время назад Цзян Жан насыпал мальцу пригоршню диких орехов и даже заботливо очистил их от скорлупы. Душистое, хрустящее лакомство совершенно вскружило ребёнку голову. Малютка Кэлянь до смерти боялся строгой бабушки Фан, но искушение было слишком велико, а потому он прятался за углом дома и то и дело боязливо заглядывал в открытую дверь, не сводя жадного взгляда с тарелки на столе.

Видеть эту картину без жалости было невозможно. Чжуншань поднялся со скамьи и поманил мальчугана рукой:

— Сяо Лянь, ну-ка иди сюда.

Ребёнок вздрогнул всем телом, испуганно вскинул голову и тут же натолкнулся на недовольный прищур старой госпожи. Личико мальчишки мгновенно скривилось, словно он вот-вот заплачет. Переставляя тонкие, как веточки, ножки, он нехотя переступил порог.

Как и большинство деревенских старух, госпожа Фан недолюбливала шуаньэр. К тому же её неимоверно уязвляло, что на старости лет судьба наделила её единственным правнуком, да и тот родился сяо шуаньэр. Для властной женщины это было несмываемым позором, из-за которого соседи за глаза над ней посмеивались.

Она всю жизнь держала спину прямо и больше всего на свете ярилась, когда деревенские сплетницы шептались у неё за спиной: «И толку, что её сыновья наплодили столько ханьцзы? Теперь у неё один-единственный правнук, да и тот — сяо шуаньэр!» Подобные пересуды били по её гордости наотмашь.

При виде робкого мальчишки радость старушки как рукой сняло. Лицо её потемнело, а брови сошлись на переносице:

— Ты зачем в дом притащился?

Малютка Кэлянь бросил быстрый, полный тоски взгляд на рассыпанные по столу орехи, после чего торопливо опустил голову и забормотал:

— Я... я сейчас... Пойду на улицу поиграю.

Чжуншань мысленно вздохнул. Он подошёл к племяннику, ласково взъерошил его собранные в забавный пучок волосы и, сгребя со стола щедрую горсть очищенных орехов, высыпал их прямо в засаленный кармашек его поношенной куртки.

Мальчик изумлённо уставился на него круглыми, как плошки, глазами. Ему и присниться не могло, что дядя, который прежде постоянно помыкал им и отвечивал подзатыльники, вдруг проявит такую щедрость!

Цзян Жан, будучи сяо шуаньэр, как никто другой понимал, каково приходится этому забитому ребёнку. Он мягко улыбнулся и подбодрил малыша:

— У нас с собой ещё много припасено. Если хочешь, Сяо Лянь, бери побольше, не стесняйся.

Старушка, наблюдая за их заботой, недовольно скривилась и ворчливо пробурчала:

— Дался вам этот сяо шуаньэр! Разбалуете мальчишку, он потом мне на шею сядет, совсем от рук отбьётся!

Она никогда не стеснялась в выражениях, и каждое её слово так и сочилось пренебрежением к шуаньэр. Цзян Жану эти речи резали слух; улыбка медленно сошла с его лица, он понурился и неловко замер, не зная, куда деть руки. Чжуншань сразу заметил, как помрачнел его юный супруг — неосторожные слова старухи задели за живое и его Жан-эра.

В Стране Великого Спокойствия к шуаньэр издревле относились как к людям второго сорта, и в глазах местных жителей попреки бабушки выглядели делом вполне обыденным. Однако Чжуншань с этим мириться не желал. Он никогда не считал шуаньэр чем-то хуже обычных ханьцзы или девушек. Его собственный крошка-супруг был трудолюбивым, сообразительным, чистым душой и к тому же владел редким мастерством плетения из бамбука.

Почитать старших — долг каждого, но позволять обижать своего Жан-эра Чжуншань не собирался. Он мягко улыбнулся старушке, стараясь сгладить неловкость:

— Бабушка, ну что ты шумишь? Ребёнок ведь, все дети любят сладости. Не пообедем мы от горсти орехов. Да и чем тебе шуаньэр не угодили? Твой внук ведь тоже взял в мужья сяо шуаньэр, и лучшего помощника мне не сыскать во всей округе.

Затем он шутливо насупился и добавил уже строже:

— Так что не обижай их больше при мне, бабушка, а то я не на шутку рассержусь.

Старушка опешила от такого напора. Но стоило ей призадуматься, как в памяти всплыли слова гадателя: ведь именно благодаря появлению в доме сяо шуаньэр Цзян Жана её ненаглядный внук сумел обмануть смерть и вырваться из лап подземного владыки. Суеверный страх мгновенно сковал её язык. Передернув плечами, она поспешно замахала руками и зашептала, прижимая ладони друг к другу:

— Ладно, ладно, пусть будет по-твоему! Забудем эти разговоры, и чтоб никто в нашем доме больше этих слов не поминал!

Малыш, которому сегодня чудом удалось избежать нагоняя, прижимал к себе полные орехов

карманы и глупо улыбался. Чжуншань посмотрел на племянника, и жалость вновь шевельнулась в его груди. Он повернулся к старушке:

— Бабушка, имя Малютка Кэлянь совсем никуда не годится. Стыдно ведь на людях его так звать. Давай выберем ему настоящее, звучное имя? И слуху приятно, и перед соседями не зазорно.

Госпожа Фан к этой затее осталась равнодушна. Взмахнув рукой, она безучастно бросила:

— Хочешь менять — меняй, мне-то что. Только брату его с невесткой сказать не забудь.

Чжуншань присел на корточки, поравнявшись глазами с мальчиком, и тихо спросил:

— Пинъань. Фан Пинъань, Сяо Пинъань... Нравится тебе такое имя, малыш?

«Мир и покой» — вот что значило имя Пинъань.

Мальчик был слишком мал, да и доля сяо шуаньэр закрывала ему дорогу в школу, однако он интуитивно чувствовал благородную силу этих слов. Он хорошо помнил, как в праздничные дни матушка, склоняясь перед поминальными дощечками предков, без конца шептала это слово. Она молила богов уберечь мужа от невзгод, даровать мир семье и защитить её маленького шуаньэр. В чистой детской душе крепла уверенность: «Пинъань» — самое лучшее, самое тёплое слово на свете. И если теперь его будут звать именно так, это станет настоящим чудом.

Малыш не мог взять в толк, почему вечно сердитый дядя вдруг стал таким ласковым, но от радости согласно закивал головой. Так прежний Малютка Кэлянь превратился в Сяо Пинъаня.

Опасаясь, однако, что излишняя самостоятельность может обидеть старшего брата и невестку, Чжуншань нежно потрепал племянника по плечу:

— Когда папа с мамой вернутся с поля, обязательно спроси их согласия. Если им не понравится, мы выберем другое имя, хорошо?

Сумерки незаметно сгущались над деревней, и Чжуншань засобиравшись было в обратный путь, надеясь засветло добраться до своего дома. Но бабушка Фан и слышать об этом не желала. Напомнив, что внук уезжает в Город Процветающего Ян в ученики и нескоро теперь навестит родные края, она наотрез отказалась отпускать гостей без ужина и ночлега. К тому же прежнюю комнату Чжуншаня в главном доме она бережно хранила и часто прибирала там, так что молодым супругам было где с комфортом провести ночь.

Вернувшись домой на следующий день, Фан Чжуншань принялся прикидывать, сколько свободных дней у него осталось перед отъездом в город. Маяться от безделья не хотелось, и тут он вспомнил про густой заброшенный лес, подступавший прямо к задней стене их усадьбы. Он

жил здесь уже приличное время, но так ни разу и не заглянул под его мрачные своды.

Едва поселившись на новом месте, Чжуншань выслушал немало жутких историй от Линь Фэна. Сосед с таинственным видом уверял, будто чаща эта проклята: поговаривали, в стародавние времена там свёл счёты с жизнью какой-то бедолага. С тех пор суеверные крестьяне обходили лес стороной, страшась накликать беду на свои семьи. Позже, когда они с дядей Линем сблизились, Чжуншань попытался расспросить его подробнее, но все эти рассказы оказались лишь досужими сплетнями, в которых сам рассказчик путался.

Чжуншань, будучи человеком трезвого ума и современного воспитания, в призраков и злых духов не верил. Он давно собирался прочесать дикие заросли в поисках ценных лесных даров, но повседневные заботы раз за разом вынуждали его откладывать вылазку.

Теперь, когда выдалось свободное время, медлить не стоило. Чжуншань закинул за плечи плетённый коробок, приладил к поясу охотничий нож и засобиравшись в путь.

Услышав о его намерении, пугливый Цзян Жан с тихим вскриком закрыл лицо ладонями и попятился к стене:

— Ой, нет! Только не туда! А вдруг там бродят висельники с длинными языками? Дядя Линь такие ужасы рассказывал, что у меня до сих пор мороз по коже. Старший брат Чжуншань, умоляю, не ходи!

Малыш сквозь щелочки между пальцами умоляюще смотрел на мужа, а затем высунул язык, пытаясь изобразить того самого грозного призрака, лишь бы отвести супруга от опасной затеи. Чжуншань невольно рассмеялся, глядя на эти забавные ужимки.

"Совсем забили голову крохе деревенскими страшилками"

Поправив тяжёлую рукоять ножа на поясе, Чжуншань обнял супруга за плечи и мягко проговорил:

— Твой старший брат Чжуншань отлично владеет клинком, так что никакой нечисти я не боюсь. Если тебе страшно, оставайся дома и жди меня. Я лишь сделаю небольшой круг по чаще и тут же вернусь.

Цзян Жан приоткрыл один глаз, настороженно разглядывая мужа. Честно говоря, он уже и думать забыл про глупые байки дяди Линя, но стоило Чжуншаню заговорить о них, как воображение живо нарисовало жуткие картины ночного леса. Прежде он без всяких задних мыслей оставался один в четырёх стенах, но теперь, когда сам же расписал ужасы заброшенного леса, его начала бить мелкая дрожь. Сидеть одному в пустом доме казалось теперь куда страшнее, чем идти в чащу.

Схватив Чжуншаня за край длинного рукава, Жан-эр зажмурился и выпалил:

— Ну уж нет! Одного я тебя не пущу!

Категорически не желая прослыть трусом перед любимым, Жан-эр вскинул подбородок и упрямо добавил:

— Пойду с тобой. Вдвоём всё надёжнее, мало ли что.

Чжуншань едва сдержал улыбку, глядя на эту напускную храбрость. Он осторожно перехватил ладонь супруга, унимая её лёгкую дрожь, и ласково сжал пальцы:

— Ну хорошо. Рядом со мной тебе бояться нечего. Глядишь, не только трав соберём, но и поймает какую-нибудь певчую птаху. Принесём домой, будешь её выхаживать.

<http://bllate.org/book/19394/1999220>